

Ежеквартальный научно-практический журнал

ISSN 1818-1198

Конфликтология

17(4), 2022

Содержание

Этническая конфликтология

- А. И. Стребков, Г. Г. Газимагомедов, А. И. Мусаев** (Санкт-Петербург),
Я. Е. Безуглый (Москва)
ТЕНЬ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИЗЪЯНЫ
И ЛОЖНЫЕ НАУЧНЫЕ МИФЫ (Часть 2). 9

Общие аспекты конфликтологии

- А. М. Соколов, А. Н. Муравьев** (Санкт-Петербург)
СУВЕРЕННОСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ КАК НАЧАЛА
СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ. 26

Политическая конфликтология

- Е. Е. Корниенко, Ахмед Зияд Мохаммед Салех** (Санкт-Петербург)
РЕВОЛЮЦИИ И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ. 33

- Т. Г. Туманян** (Санкт-Петербург)
ИРАК И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1938–1939 гг. В КУВЕЙТЕ. 44

- М. Ю. Тверсков** (Санкт-Петербург)
РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ. 59

- Р. С. Маматханов** (Санкт-Петербург)
СОПЕРНИЧЕСТВО США И КНР В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА. 70

Социальная конфликтология

- Л. М. Низова, Д. К. Тронева** (Йошкар-Ола)
ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В СФЕРЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ НА МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКОМ УРОВНЕ. 90

Общество и конфликты

Р. А. Арзиев (Нукус, Узбекистан)
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАЦЕНТРЫ
В КАРАКАЛПАКСТАНЕ (ОПЫТ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ
КОНФЛИКТЫ). 101

Эпистемология конфликтов

А. А. Львов (Санкт-Петербург)
КОНФЛИКТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИСТОРИЦИЗМА: ОТ ТЕЛЕОЛОГИИ
ИСТОРИИ К ТЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА. 115

Г. Р. Хайдарова (Санкт-Петербург)
О КОНЦЕПТЕ «ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» У Ю. Н. СОЛОНИНА. 131

**Е. А. Маковецкий, И. В. Кузин, М. В. Маковецкая,
Ю. В. Шапошникова** (Санкт-Петербург)
КОНФЛИКТ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА РУССКОЙ ИСТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ К ВИЗАНТИЙСКОМУ НАСЛЕДИЮ). 145

Трибуна для студента, аспиранта, соискателя

Ю. А. Круглова (Санкт-Петербург)
КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ УЛЬРИХА БЕКА
В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 168

Информаци для авторов. 182

DOI: 10.31312/2310-6085-2022-17-4-26-32

УДК 101.3

‘SOVEREIGNTY’ AND ‘OWNERSHIP’ AS THE ELEMENTS OF SOCIAL ONTOLOGY

A. M Sokolov, A. N. Murav'ev

Saint Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract: The paper endeavors to offer a justification of social ontology as a true and universal form of philosophic thinking. As the two backbone notions of it I suggest ‘sovereignty’ and ‘ownership’ that are held in agreement by ‘activity’. In the introduction, an axiomatic assumption is introduced that asserts the essential identity of thinking (consciousness) and communication, which is a universal and integral handicap of activity that transforms the spontaneous uncertainty of being into the arranged certainty of the world. In the context of such an approach, thinking as communication is understood not so much functionally as substantially. At the same time, communication as thinking embodies the principle of a sovereign personality, which, in the horizon of social space, is carried out in the institution of property, covering both the totality of a person’s inner content and the system of his relations with the surrounding world. Moreover, the ‘surrounding world’ is interpreted in the broadest sense as a set of indefinite objects translated into a system of broadcasting things. Herein I try to demonstrate the historical retrospective of social ontology through contemplation of these categories. A particular importance is given to the substance of ‘ownership’ and to modernity in the bourgeois civilization pointing to the fundamental contradictions in their respective actualization. In particular, the article emphasizes that in the era of modernity of postmodernity, in the conditions of bourgeois and post-bourgeois society, the mechanism of ‘mastering’ as a form of actualization of the institution of property and the assertion of a sovereign personality is consistently transformed into a mechanism of ‘appropriation’. This mutation becomes the cause of personality desuverenization. According to the authors, the desuverenization of personality is carried out in the mode of ‘alienation’ or exploitation, in the broad sense of the word, of the basic content of a person as a being who maintains the order of being through free implementing activity.

Keywords: social ontology, ownership, sovereignty, activity, bourgeois civilization.

Acknowledgments: Article was prepared with the support of Russian Scientific Foundation (FSF) grant “Sovereignty and sovereign logic and antinomies of global civilization”, № 22-28-00779. Head: Sokolov A.M., 2022–2023.

Received October 18, 2022; in final form December 26, 2022.

© **Sokolov Alexy M.** — Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, docentsokolov@yandex.ru

© **Murav'ev Andrej N.** — Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, muravyovan@yandex.ru

СУВЕРЕННОСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ КАК НАЧАЛА СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

А. М. Соколов, А. Н. Муравьев

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург,
199034, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена обоснованию социальной онтологии как подлинной и универсальной формы философского знания. В качестве базовых категорий авторы предлагают рассматривать «суверенность» и «собственность», удерживаемых в единстве «деятельностью». Во вступлении введено аксиоматическое допущение, утверждающее сущностное тождество мышления (со-знания) и общения, представляющее собой универсальную и интегральную форму деятельности, претворяющую стихийную неопределенность бытия в устроенную определенность мира. В контексте такого подхода мышление как общение понимается не столько функционально, сколько субстанциально. В то же время общение как мышление заключает в себе принцип суверенной личности, которая в горизонте социального пространства осуществляется в институте собственности, охватывающем как всю совокупность внутреннего содержания человека, так и систему его отношений с окружающим миром. Причем «окружающий мир» трактуется в самом широком смысле как совокупность неопределенных пред-метов, претворенных в систему вещающих вещей. В статье продемонстрирована историческая ретроспектива социальной онтологии через рассмотрение указанных категорий. Особой место автор уделил специфики содержания «собственности» и современности в буржуазной цивилизации, отметив фундаментальные противоречия в характере их актуализации. В частности, в статье подчеркивается, что в эпоху современности постсовременности, в условиях буржуазного и постбуржуазного общества механизм «освоения» как форма актуализации института собственности и утверждения суверенной личности последовательно трансформируется в механизм «присвоения». Эта мутация становится причиной десуверенизации личности. По мысли авторов, десуверенизация личности осуществляется в режиме «отчуждения» или эксплуатации в широком смысле слова базового содержания человека как существа, удерживающего упорядоченность бытия посредством свободной претворяющей деятельности.

Ключевые слова: социальная онтология, собственность, суверенность, деятельность, буржуазная цивилизация.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) «Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации», № 22-28-00779. Руководитель: Соколов А.М., 2022–2023.

Статья поступила в редакцию 18.10.2022; принята к публикации 26.12.2022.

- © **Соколов Алексей Михайлович** — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, docentsokolov@yandex.ru
- © **Муравьев Андрей Николаевич** — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, muravyovan@yandex.ru
-

Ontology as the theory of Entity, of Being, of what is substantial, of all things existent — is basically social and can't be otherwise. Now, all that our contemplation turns to, including itself, is social in its very foundations and elementary definition. When the metaphysicians, phenomenologists, psychoanalysts, or neuro-philosophers declare to have had insights into the very true and deep pre- and under-lying foundations of the Entity, it is only a display of wily egotism.

If we posit ourselves in the realm of *cogito*, we by default conceive it to be primary and unconditional. This is what a philosophical attitude *per se* is supposed to look like. At the same time, this postulation of the primacy of thought is not what can save us the trouble of making out what it is in itself. The self-evidence of thinking opens itself up to us in communication. Communication is the primeval element of thought, i.e. something that can be reduced to nothing. In anticipation of possible remarks pertaining to the various methods of communication as have been observed between animals, I would like to note that there is a fundamental difference of what we find in the realm of the fauna from interaction/communication between humans: the latter is at all times in excess, as it were. The results of human interaction always exceed any imaginable needs that might be conceived as associated with such interaction. Technically, it is this excessive human interaction in which reveals itself the supra-natural, literally supernormal and spiritual substance of *con-sciousness*, of *cogitare*. In this sense we are justified to speak of thinking as of a true miracle.

So, thinking is communication. Now, the world we find ourselves in has been set up, arranged and put in order by the conscious spirit of our forerunners and senior contemporaries who had thus anticipated the emergence of each of us in this ordered existence. Each and every component of this world, the one that from the viewpoint of commonplace understanding is conceived as existing in itself and because of itself, it fact carries with it the substance, the content revealed in it by the active *con-sciousness* of a community of people. Which, naturally, does not undo the independent existence of objects; only these are objects as *ob-ject*,

i.d. something “thrown before” our eyes, *pre-ceeding* or “coming before”; of things alien, obscure and usually *im-per-ceptible*, “unable to be thoroughly grasped”. Such objects do not speak to us or open up their true substance to us (to ‘us’, not to ‘me’). A thing comes out of the *ob-jective* indeterminacy of being in the world through our turning/applying to it, including it into our social circle. It is in virtue of the fact that we by putting questions to the *pre-ceeding* things effectively turn them into “things that speak in answer”, thus making the *indeterminacy of being* — the *determinate orderliness of the world*; so, in virtue of this we are justified to view ourselves as a *subject*, i.e. a sovereign entity with its own internal substance, its “inscape” as a poet wrote. And therefore, sovereignty — as the inner definition of a subject — can be conceived of in the ontological sense.

Having said that, sovereignty i.e. the inner self-definition of the subject, can’t but be objectified. The form in which sovereignty gets objectified is in the very technical and literal sense ‘ownership’ which we observe in its various modes valid for different cultures and historical periods. The questions are: thanks to what can we observe it? through what does it manifest itself? what is the mechanism of such manifestation of ownership?

The answer appears to be ostensible. It is simple to the degree of self-evidence. Ownership reveals itself through the activity which, on the one hand, exposes ownership to the world, and on the other, manifests the world itself as a reality. Indeed, reality is derived from activity carried out by the totemic ghosts, deities, demons, the cosmic Logos, the God Almighty and His Son-Logos. Each of these “authorities” that are responsible for the reality, carries in itself its immanent sovereign ownership. It is clear that from the philosophic perspective activity is in any case viewed as a human prerogative; man redirects activity, as it were, into the contemplative realm of supra-human entities. And for philosophy it is crucial to understand what each specific mode of sovereignty-activity-ownership seems to be linked to.

If we now consider the history of philosophy we shall find out that the problem of ‘own’ or ‘sovereign’ has been the primary, fundamental and in fact the only issue for ages. Strictly speaking, philosophical problems do begin with the question: what to a rational being is most significant, substantial, i.e. predominantly existential? Now, what can be more existential than ‘my own’? Specifically, the question of ownership is that of the *arche*, of how the world comes about and how Being is organized. And inasmuch as the World is the Being, established and arranged by us all and by anyone individually, hence the issue of ownership is that of what we reveal in ourselves as something unconditional, self-evident, self-justifying and self-representing.

The problem of ownership posited itself as the key philosophical issue long before its interpretation by Hobbes, Locke and even more so by Marx.

In this connection what first comes to mind is the story of Alcibiades who determined to give himself over to the wisdom of Socrates before going into politics. It is in the *Alcibiades I* dialog that Plato opens up his and his teacher's idea of ownership as 'own' in the modus of 'it itself' (Alexey Losev's concept of 'samo-ye samo', Rus.) obviously referring the reader to the famous Delphic imperative: γνῶθι σεαυτόν. Inasmuch as one can't govern others without the knowledge of what one is oneself. Also, how can we know what is 'substantial' in others without knowing it in ourselves? "And if we do not know ourselves, we cannot know what belongs to ourselves. And everyone who doesn't know himself can't know other people. And if he doesn't know other people he won't know political affairs of the state" [1, p. 263].

In the context of this reflection of Plato's we also have to reckon what he seems to be taking for granted, as it were, what he presupposes *a-priori*: something to which the 'it itself', the substantial, the 'own' of Alcibiades is related (relates itself). It is related to the 'political/public'. From history we knew very well of Alcibiades's heroic life. This circumstance most likely bore on the place and role Alcibiades was given in Plato's teaching, which seems to have had an onto-cosmo-polis (-social) significance in the sense that it was focused on the restitution or protection of the decaying and collapsing *polis* life, the one that once embodied the very perfection of the Cosmos itself. In other words, the 'polis' in the minds of Socrates, Plato, and Alcibiades (as true Hellenes) was the 'Cosmos' actualizing itself in its perfect substantiality.

That said, a dialog as a form of expression/con-sciousness both replays precisely the structure of philosophical thought and does emphasize its social-communicative nature, it being 'gregarious' and again *polis*-related. In a voiced and distinctly articulated word the 'it itself' we talked about "catches" itself and "exposes" itself. It is that very significant, undoubtedly one's 'own' something for which Socrates and Alcibiades are giving their lives in a heroic and solemn way. By way of paraphrasing the famous lines by the Russian poet Vladimir Mayakovski, this dialog of Plato proposes a method of "processing tons and tons of language ore" with the aim of unearthing a handful of worthy, genuine words that make "the coffins dart off and march on their oaky legs".

What is really important is to always keep in mind that *cogitare* generally and philosophical thought *par excellence* is an integral, perfect (in the sense of 'concluding, terminal') form of human activity. Hence the problem of ownership and

sovereignty in philosophy has remained of primary significance. Naturally, in the horizon of the medieval dogmatic Christian thinking it was never made a problem due to its incorporation into the theocentric worldview. On the other hand, a historian of the early Christian theology would have little trouble in proving that already the Gospels are full of stories where the problem of the truly 'own' or 'proper' comes to the fore.

Modern times, the new European philosophy began with the enquiry about 'ownership'. Rene Descartes's contemplation of what the credible, reliable knowledge is like is the best illustration to this thesis. The *cogitant ego* as the source of the worldview is, presumably, the most lapidary expression of the 'ownership' idea. In the age when rationalism was maturing and strengthening as a matter of principle, it became also the latter's most radical manifestation, by partly reproducing the modalities already with a history behind, and partly anticipating a range of future definitions of 'ownership' more pertaining to the bourgeois world. The hallmark of the middle class definition of 'ownership' was 'alienation'; it became possible after the ideals of private individuality were introduced and firmly established. Here we have no time and space to consider this phenomenon and its historical causes in detail. Suffice it to recall, by way of example, Hegel's postulation of the primacy any private subjectivity does have over the things around it: "A person has the right to invest his willpower into any separate thing that due to this becomes 'mine', that receives my willpower as its own substantive goal, — since in itself it has no such goal, — as its definition and its soul; this is the absolute right of man to appropriate all things to himself" [2, p. 103].

It was exactly this justification of capitalism that Karl Marx chose as the object of his criticism — the 'alienation' principle, the one that underlies capitalist economic activity and therefore forms a foundation for the whole middle class universe; the doctrine that implies, both initially and finally, the turning of man into thing, more specifically into an object that can as a form be filled with substance determined by the very capitalist economy. The primary methods of alienation were analyzed and made into a general theory by Marks in Chapter 24 of the first volume of his "Capital". The study and criticism of the developing forms of alienation have been the subject matter of much of European philosophy since mid XIX c. such as existentialism, psychoanalytic philosophy, the so-called Russian religious philosophy, philosophic anthropology, finally neo-Marxism and post-Marxism. It is not impossible that what we are witnessing today are the final forms of alienation as impairment of existential/civil/political sovereignty. The digital dimension of cyberspace (let's recall Hobbes' formula "to cognize means to compute")

demonstrates to us its alienating nature through ever more ingenious reproduction of simulations and falsifications, and it is getting the more effective the more isolated people do become and the less direct face-to-face communication goes on between them with ever greater trust in artificial means of communication controlled from the outside. That today we lack straightforward communication with others means that we are losing ourselves, our own basis and foundation, our sovereignty. But the world thus ceases to be itself, too. Because what the world essentially is? — It is first and foremost human interaction that can be reduced to nothing and conditioned upon naught.

Список литературы / References

- [1] Платон. Алкивиад I // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: «Мысль», 1990. Plato, “Alcibiades I”, in *Works in 4 vols., Vol. 1*, Moscow, “Mysl”, 1990. (In Russ.)
- [2] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: «Мысль», 1990. Hegel, G.W.F. *Elements of the Philosophy of Right*, Moscow, “Mysl”, 1990. (In Russ.)

DOI: 10.31312/2310-6085-2022-17-4-33-43

УДК 323.272, 323.276, 323.268

РЕВОЛЮЦИИ И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Е. Е. Корниенко, Зияд М. С. Ахмед

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург,
199034, Российская Федерация

Аннотация: «Цветная революция» — термин, введенный и используемый средствами массовой информации примерно с 2004 г. для описания различных протестных антирежимных движений и сопутствующих им задуманных или осуществленных смен правительства, имевших место на постсоветском пространстве в конце XX — начале XXI вв. Стоит заметить, что употребление этого термина в современном медийном или официальном политическом дискурсе не ограничивается территориально регионом СНГ. «Цветные революции», ставшие одним из наиболее ярких политических феноменов нового тысячелетия, затронувшим многие регионы мира, уже являются не только частью истории, но и материалом для активной научной рефлексии ученых и общественных деятелей в отношении предпосылок и катализирующих причин данного явления, сама проблема которого становится все более актуальной в современном мире, поскольку так называемая «форсированная демократизация», при участии массового применения современных политических технологий и методик достижения поставленных целей, выступает предложением для вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Выход данного концепта за временные рамки XXI в. и возможность экстраполяции на чуть более ранние события, в свою очередь, ставит закономерный вопрос о том, что именно мы понимаем под «цветной революцией», и каким образом те или иные общественные волнения и смены власти могут быть причислены к этой группе, для чего необходимо определить закономерности исследуемого феномена, связанного с дестабилизацией политической обстановки в стране, изучить его основные признаки и модели реализации, особенности хода протестного движения и борьбы за власть. В статье проводится анализ теоретического концепта «цветных революций», исследуется вопрос стоит ли причислять их к революциям как таковым, анализируются новые технологии государственного переворота в современной политической практике, а также выявляются какие именно силы движут этими процессами и с помощью каких механизмов они осуществляются.

Ключевые слова: революция, «цветные революции», политические перевороты, манипулятивные технологии, «мягкая сила».

Благодарность: Статья опубликована при финансовой поддержке АНО ДПО «Институт Мира и исследования конфликтов».

Статья поступила в редакцию 10.11.2022; принята к публикации 26.12.2022.

- © **Корниенко, Евгений Евгеньевич** — аспирант кафедры конфликтологии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, st098992@student.spbu.ru
- © **Ахмед, Зияд Мохаммед Салех** — аспирант кафедры конфликтологии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, zeadasaed@mail.ru
-

REVOLUTIONS AND COLOR REVOLUTIONS: GENERAL AND PARTICULAR

E. E. Kornienko, Ziyad M. S. Ahmed

Saint Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract: Color revolution is a term introduced and used by the mass media since around 2004 to describe various anti-regime protest movements and accompanying (attempted or successful) changes of government that took place in post-Soviet territory during late 20th — early 21st centuries. It should be noted that use of this term in the present-date media or official political discourse is not limited by the CIS region. Color revolutions that have become one of the most prominent political phenomena of the new millennium having affected many regions worldwide are not only a part of history, but also a material for active scientific reflection of the researchers and public persons in respect of preconditions and underlying causes of such phenomena, which problem becomes ever more topical in the modern world, whereas the so-called “forced democratization” with massive involvement of the up-to-date political technologies and techniques for achievement of the set goals serves as the pretext for interference into interior affairs of the sovereign states. Given that this concept is moving beyond the 21st century and it is possible to project it to somewhat earlier events, we may put a predictable question as to what exactly we mean by the “color revolution”, and in which way any given public unrest and power shift may be added to this group. Therefore, it is necessary to determine the patterns of the studied phenomenon related to destabilization of political environment in the country, explore its main signs and implementation models, specific aspects of the protest movement and power struggle. The article analyzes the theoretical concept of “color revolutions”, investigates whether it is reasonable to consider them as revolutions per se, reviews the new coup technologies in the modern political practices, and identifies their driving forces and mechanisms.

Keywords: revolution, “color revolutions”, political coups, manipulative technologies, soft power.

Acknowledgments: The article was published with the financial support of ANO DPO “Institute for Peace and Conflict Research”.

Received November 11, 2022; in final form December 26, 2022.

- © **Kornienko, Evgeny E.** — Postgraduate student at the Conflict Study Department, Institute of Philosophy, St. Petersburg state University, st098992@student.spbu.ru
- © **Ahmed, Ziyad Mohammed Saleh** — Postgraduate student at the Conflict Study Department, Institute of Philosophy, St. Petersburg state University, zeadasaed@mail.ru
-

Тема «цветных революций» активно обсуждается в средствах массовой информации и экспертном сообществе на протяжении последних двадцати лет, однако исследователи не пришли к единому мнению при определении концепции, удовлетворяющей всем аспектам этого многогранного явления [1, с. 406]. Такая исследовательская популярность, в то же время, влечет за собой постановку закономерных историографических вопросов в отношении того, стоит ли причислять «цветные революции» к революциям как таковым, а также какие именно силы движут этими процессами, и с помощью каких механизмов они осуществляются. С одной стороны, некоторые зарубежные и отечественные авторы причисляют цветные перевороты именно к революциям на основании наличия таких традиционных признаков революционных движений как социальный протест в радикальных и массовых формах.

Вместе с тем, все больше и больше ученых и обозревателей склоняются к тому, что характеризующим следствием политических переворотов, имевших место в ряде европейских, азиатских и африканских государств, стало развенчивание стереотипа об основаниях революций, которые в традиционной историографии (особенно, марксистской) излагались как «объективные» и «субъективные» причины, а именно кризис «верхов» и «низов», «движущие силы» и прочие факторы. Ведь по сложившейся исторической традиции непосредственно под термином «революция» в общественных науках предполагают коренные изменения, резкую смену социального или политического строя, как правило, насильственным способом.

Однако с приходом XXI в. века «революции» потеряли таковые признаки и перестали восприниматься как следствие совокупных причин, изначально обозначавшиеся как базовые. В государствах происходили изменения и важные события независимо от социально-экономического развития, особенности политической системы, географического положения страны, при этом выглядели они как политический спектакль, своего рода розыгрыш. IT технологии, средства массовой информации (СМИ) стали играть в данных событиях чуть ли не главенствующую роль, они явились своего рода маркерами современных манипулятивных «технологических революций» и подходов по созданию широкого информационного поля. Применение военной силы же является скорее исключением, чем правилом. Но такие «цветные революции», будучи методиками дестабилизации политических режимов, создают условия для активного вмешательства во внутренние дела страны и иногда интервенций иностранных государств. В таком ракурсе последствия «цветных революций» могут быть не менее катастрофичными, чем непосредственно события переворота.

Часто «цветные революции» при их обсуждении именуют технологиями «мягкой силы». Само понятие «мягкой силы» впервые ввел в своей книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи» в 1990 году американский политолог, разработчик ряда направлений неолиберализма Дж. Най [2]. В своем труде автор относит традиционные методы достижения целей того или иного государства на международной арене к «жесткой силе» и причисляет к ним проведение военных операций, ввод экономических санкций в отношении других стран, а также давление и подкуп. Дж. Най высказал мнение, что такие методы политической борьбы в конечном результате ведут к ухудшению отношений между странами, увеличивая размах конфликта, в то время как «мягкая сила» выступает в качестве способа получать желаемое, при помощи усиления привлекательности пути развития, общественного или государственного, а не при помощи материальных средств или применения силы.

Страны, в которых происходили массовые протесты, получившие название — «цветные революции» — Киргизия, Грузия, Сербия, Украина. По схожему сценарию произошли попытки переворота в Армении, Белоруссии, России. Страны Востока и северной Африки с декабря 2010 г. по февраль 2011 г. пережили «арабскую весну» (так именовались произошедшие там события). Массовые протесты, митинги проходили в Ливии, Египте, Тунисе, Алжире, Марокко, Омане, Иордании, Бахрейне, Йемене, Сирии. Саудовская Аравия, Судан, Ливан, Кувейт, Мавритания, западная Сахара, Джибути пережили незначительные волнения — акции протеста. Граждане 3-х государств (Ливия, Тунис, Египет) стали свидетелями смены режимов. Протестные движения в Сирии и Ливии закончились гражданской войной [3, с. 89].

Таким образом, это понятие выходит за пределы региона бывшего СССР и широко применяется ко многим другим политическим событиям на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке, которые имели место с конца 1980-х по 2020-е годы [4, с. 137, 138].

Одним из первых в отечественной историографии свое мнение по вопросу бархатных и цветных революций высказал Г. Г. Почепцов [5, с. 6]. Согласно его представлениям, классические революции имели своей целью смены социальных основ общества, ставя у власти новые элиты. «Цветные революции» же не столько меняют элиты, сколько совершают их перестановку. Частично это отвечает меняющейся структуре общества, в рамках которой выходят на политическую арену новые элиты, которым требуется «собственное место под солнцем» [5, с. 7]. Так, например, одной из движущих сил «оранжевой» революции в Киеве стали выступления малого и среднего бизнеса против

бизнеса крупных олигархов, который был отражением существующего правящего режима. По мнению исследователя, собственно революции действуют в жесткой конфликтующей среде, в то время как «цветные» — в ситуации вызванной политической нестабильности. Здесь также стоит отметить, что общества, где случаются подобные явления, как правило, не проходят качественную трансформацию [6, с. 10]. Кроме этого, сами события и процессы «цветных революций» являются не результатом исторических событий, а набором взаимосвязанных искусственных обстоятельств, вызывающих спланированную и управляемую дестабилизацию и политический кризис.

Российский политолог, профессор кафедры МГУ имени Ломоносова — А. В. Манойло подразумевает под понятием “цветные революции” набор сценариев и политтехнологий. Так протестующие манипулируют сознанием и мнением общества, чтобы устранить действующий правящий класс, внедрить внешнюю форму правления [7, с. 24]. Вслед за мнением А. Б. Ананченко, высказанным четырьмя годами ранее [6, с. 18], А. В. Манойло рассматривает «цветные революции» как механизмы государственных переворотов в условиях социальной нестабильности, при которых давление на власть зачастую осуществляется в форме политического шантажа, инструментом которого, в свою очередь, выступает протестное движение, организованное по специальной сетевой схеме [7, с. 24].

П.А. Цыганков обозначает «цветные революции» как явление современности. Подобная революция сочетает в себе кризисы и противоречия, которым по характеру нет равных [8, с. 113]. Данное явление отличается многомерностью, но имеет схожие признаки, черты внутривнутриполитических и международных конфликтов.

«Цветные революции», по мнению Э. С. Восканян и Н. С. Бычковой — не есть революции в классическом их понимании. Они не влекут за собой радикальные изменения того политического строя, который существует ныне, причем нередко ограничиваются сменой элит в политике [9, с. 245]. Главная цель «цветных революций», по предположению авторов, — это захват и удержание власти, то есть осуществление государственного переворота, причем во главе угла не ставится цель преобразовать социальную систему — достаточно смены политических лидеров. Этим и отличается «цветная революция» от обычного формата — классического.

Э. Э. Шульц в своих трудах [3; 10; 11; 12] отмечает, что ни «оранжевая» революция на Украине 2004 года, ни другие «цветные революции» не являются революциями как таковыми. Они не принесли коренных изменений, а лишь произвели замену одной правящей группы (клана) на другую [4, с. 138].

По его мнению, результатом «цветных революций» не становится какая-либо демократизация в последующем. Те режимы, что приходили к власти после госпереворота, обычно оставались функционировать, как и прежде. Их модель была примерно одинаковой, направленной на поддержание высокого рейтинга власти и видимости общественных перемен. По сути, результатом «цветных» переворотов никогда не становились реальные позитивные изменения. Если и принимались первые положительные меры, то ненадолго, ради популизма. Затем они быстро сменялись на политическую нерешимость. В целом ничего не менялось, состояние той или иной страны после прогремевшей «цветной революции» постепенно возвращалось к дореволюционному положению.

Таким образом, в целом определить «цветные революции» можно как политические перевороты, носящие декларированный ненасильственный характер и, как правило, осуществляемые в интересах других стран. При этом данные явления имеют определенную концептуальную модель, сформулированную еще в 2005 году Г. Г. Почепцовым, которая в широком смысле включала в себя элементы прошедшей годом ранее «оранжевой» революции на Украине и на сегодняшний день выявляется в структурах последующих «цветных революций»:

- Ступень первая. Искусственное нагнетание нестабильности;
- Ступень вторая. Разрешение ситуации нестабильности в чью-либо пользу;
- Ступень третья. Смена правящих элит [5, с. 18].

В данном случае нестабильность выступает результатом нарушения предсказуемых действий. Разрешение ситуации в свою пользу в случае цветных революций происходит за счет нейтрализации действий власти, которая либо не оказывает сопротивления, либо выпадает из политической «игры» под воздействием внешнего давления. Дореволюционный режим становится лишь фоном, декорацией, в рамках которой разворачивается другой сценарий. По мнению автора, происходит постепенная смена трех сценариев: сценарий одной власти, интерактивный сценарий «власть — оппозиция» и сценарий одной оппозиции.

Нестабильная среда при этом характеризуется следующими признаками:

- действия официального режима сильно затруднены, поскольку нарушена обстановка, в которой этот режим функционировал;
- оппозиции действовать в ситуации нарушения правил намного легче;
- в действие вовлекается большое число лиц, чем резко усиливается положение оппозиционных групп, а позиция власти наоборот ослабляется;
- вовлечены не военные, а гражданские лица, что серьезно ограничивает применение насилия со стороны правящего режима.

На примере данной схемы Г. Г. Почепцов показывает, что классические революции действуют в ситуации качественного сдвига, в то время как бархатные и цветные революции — в нестабильной среде. Подобная дестабилизация проявляется в следующих критериях: возникновение нового типа угроз; нефункционирующий прежний механизм решения общественных проблем. Как следствие, происходит столкновение двух моделей разрешения проблем и выживания в рамках новых трудностей, которое усугубляется внешним давлением на принятие решений [5, с. 19].

Все это затрудняет принятие адекватных взвешенных решений как у населения, так и у правящих верхов. Возникает ряд следствий, значимых уже для индивидуального сознания: потеря полноты возможностей для принятия решений; потеря права на самостоятельное (не идентичное другим) поведение; создание социальных объединений и вовлечение в них граждан с целью повышения уровня выживаемости; интенсивная повторяемость информации, направленной на фиксацию в личном и массовом сознании новой конфигурации общественной жизни.

Таким образом, происходит смена модели захвата информационного поля от публичного пространства к личному, бытовому пространству при том, что изначально процесс протекал в противоположную сторону: от личных разговоров к общественному дискурсу. Эту модель условно можно разделить на три этапа:

- Первый. Переход негативных настроений от бытового пространства (физического, информационного, когнитивного) к общественному.
- Второй (собственно революционный). Создание и удержание новой формы общественного пространства (физического, информационного, когнитивного), выступающего в качестве новой модели.
- Третий. Переход к распространению и доминированию новых норм в личном пространстве (физическом, информационном, когнитивном) [5, с. 20].

Подобная модель хорошо просматривается на примере реальных событий недалекого прошлого. Оранжевая революция в Украине 2004 г. продемонстрировала упомянутый выше переход к общественному пространству за счет создания видимого численного превосходства оппозиционных сил [4, с. 140]. Активное использование и распространение визуальной символики оппозицией многократно усиливало ее силу. Оранжевый цвет на лентах, стикерах, плакатах, листовках, а также их распространение — все это является действенными способами привлечь внимание множества людей. Оранжевая кампания в значительной степени выигрывала именно за счет

преобладания в визуальном пространстве, что компенсировало ей недоступное поле телевещания.

В отношении оранжевой революции 2004 г. Э. С. Восканян и Н. С. Бычкова отмечают, что необходимые условия успешной смены правящих элит с помощью технологий подобного рода революций и цветных переворотов — наличие организованного движения, массовых акций протеста [9, с. 245].

Оранжевая революция в Украине является классическим примером, на основании которого можно выделить признаки и ключевые механизмы любой современной цветной революции. Так, в 2014 г. после очередной революции на Украине А. В. Манойло в своем исследовании предложил «цветные революции», а именно поэтапное их развитие, идентифицировать на несколько основных составляющих:

- формирование движения с принятием участия неправительственных организаций, молодежи, получающих иностранное финансирование;
- организация движения, массовых акций протеста в связи с конкретным общественным или политическим событием;
- включение большого числа граждан в протестные акции;
- выдвижение требований к действующему режиму, а также выдвижение ультиматумов [7, с. 24].

В отдельных случаях попытки «цветной революции» вполне могут перерасти в гражданскую войну.

Революции возникали в разных регионах мира системно, на непродолжительное время. У всех — общие черты, да и схемы происходивших действий были почти идентичные. Мы уже упоминали переворот на Украине, в Грузии (2014 год), Сербии (2000 год), Тунисе (2010 год) и т. д. Такие революции, несмотря на региональное удаление, имеют схожий сценарий, способы мобилизовать людей, технологии, этапы развития. Протестующие в первую очередь выдвигали требования, касающиеся отношения к праву, свободной духовной жизни. Второстепенная задача — борьба за экономические блага, новые социальные стандарты. К событиям протестующие тщательно готовятся. Лидеры и участники с мощной идеологической верой, таким образом, стремятся к решению вопросов «цивилизационного выбора». Если сказать иначе, то они не стремятся существенно улучшить жизнь сограждан. Они — приверженцы европейских ценностей, требуют соблюдения основных гражданских прав и свобод, прозрачные выборы. Как показывает практика, «цветные революции» были созданы при отсутствии реальной конкуренции в политике внутри конкретной страны, условий противоречий полуавторитарных политических режимов.

Как было показано в настоящем исследовании, «цветные революции» все не являются революциями в классическом понимании и кардинально от них отличаются, поскольку они не приводят к радикальному изменению в социальной системе и формах собственности, а часто лишь сводятся к смене политических лидеров. Подобные политические процессы не в полной мере реализуют позитивные политические и социальные преобразования, либо не реализуют их вообще, и как правило направлены на смену политической элиты.

Таким образом, «цветные революции» являют собой набор технологий для быстрой смены правящей элиты. При этом, в отличие от классической революции, «цветной переворот» не ставит своей задачей преобразовать социальную систему, а сводится лишь к смене, а иногда перестановке местами политических лидеров на локальной политической арене. Сама трансформация политической системы в данном случае является вынужденной и происходит в рамках искусственно созданной и активно нагнетаемой политической нестабильности.

Говоря далее о различиях между концептами революции и «цветной революции», стоит заметить, что в русле этой исследовательской проблемы высказываются различные мнения не только в отношении катализаторов данных процессов, но и в интерпретации понятия «цветной революции» как таковой:

- революционная трансформация политической системы, приводящая к демократизации;
- государственный переворот в рамках искусственно созданной политической нестабильности;
- современный аналог студенческих волнений («бархатная революция») конца 1980-х годов;
- политическая технология с использованием агрессивной политической толпы для шантажа действующей власти.

Характерно, что практически все «цветные революции» происходили после выборов президента страны, а главная роль в начале «революционного» процесса принадлежала активной части населения, в том числе молодежному протестному движению.

В качестве заключения стоит отметить, что рассмотренные в статье явления необходимо расценивать не в качестве революции, но особой формы государственного политического переворота, важнейшим условием полноценной реализации которого является многосторонняя внешнеполитическая поддержка.

Определить закономерности и механизмы «цветных революций», вычленив в них главные технологии и основные модели воздействия возможно

только при многогранном анализе комплекса технологий, изучении методов/алгоритмов, особенностей хода протестного движения и борьбы за власть [3, с. 97]. Понимание данных процессов позволит в известной степени прогнозировать регионы возможной дестабилизации и применять методы противодействия, локализации и урегулирования гражданских конфликтов, вызванных технологиями «цветных революций» и «управляемого хаоса».

Список литературы / References

- [1] Шульц Э.Э. К проблеме классификации революций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3: 406–418.
Schultz, E.E. “On the problem of classification of revolutions”, *RUDN Journal of Sociology*, 2019, Vol. 19, no. 3: 406–418. (In Russ.)
- [2] Nye, J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, New York, Basic Books, 1990. 370 p.
- [3] Шульц Э.Э. «Цветные революции»: некоторые проблемы методологии исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13, № 2: 88–99.
Schultz, E.E. “‘Color revolutions’: some problems of research methodology”, *Political expertise: POLITEX*, 2017, Vol. 13, no. 2: 88–99. (In Russ.)
- [4] Шульц Э.Э. «Оранжевая революция» и технологии управления бунтом // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9, № 3: 137–143.
Schultz, E.E. “‘Orange Revolution’ and riot management technologies”, *Political expertise: POLITEX*, 2013. Vol. 9, no. 3: 137–143. (In Russ.)
- [5] Почепцов Г.Г. Революция.com: Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. 513 с.
Pochepctsov, G.G. *Revolution.com: Fundamentals of protest engineering*, Moscow, Europe, 2005. 513 p. (In Russ.)
- [6] Что надо знать о «цветных революциях»: учебное пособие / под общ. ред. А.Б. Ананченко, 2-е изд., испр. и доп. М.: МПГУ, 2018. 168 с.
Ananchenko A.B. (ed.), *What you need to know about the “color revolutions”: textbook*, 2nd ed., corrected and added, Moscow, Moscow Pedagogical State University (MPSU), 2018. 168 p. (In Russ.)
- [7] Манойло А.В. Украинский кризис и “управляемый хаос”: след “цветных революций” арабской весны // Власть. 2014. № 4: 24–28.
Manoilo, A.V. “The Ukrainian crisis and ‘controlled chaos’: the trail of the ‘color revolutions’ of the Arab Spring”, *Power*, 2014, no. 4: 24–28. (In Russ.)
- [8] Теория международных отношений: учебник для академического бакалавриата / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Юрайт, 2018. 316 с.
Tsygankov, P.A. (ed.), *Theory of international relations: textbook for academic bachelor’s degree*, Moscow, Yurayt, 2018. 316 p. (In Russ.)